

Николай Александрович Бердяев

**Духовные основы русской
революции**

Москва
Книга по Требованию

УДК 101
ББК 87

Николай Александрович Бердяев

Духовные основы русской революции / Николай Александрович Бердяев – М.: Книга по Требованию, 2011. – 124 с.

ISBN 978-5-458-03453-1

Николай Александрович Бердяев - русский философ-идеалист, еще при жизни ставший одним из наиболее популярных русских мыслителей, широко известным не только в России, но и в Западной Европе. В простой и ясной форме он выразил главные тенденции русской философии, зародившиеся в творчестве Чаадаева, славянофилов и Достоевского. В работах Николая Бердяева получило наиболее адекватное и полное выражение своеобразие русской философской традиции.

ISBN 978-5-458-03453-1

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011
© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Н. Бердяев

Духовные основы русской
революции

Глава I. Социализм в русской революции

О политической и социальной революции

I

В такое время, как наше, многие слова употребляются не критически и без определенного реального содержания. Словесные лозунги соответствуют известным настроениям и потому приобретают силу, но строгого смысла и содержания они могут быть лишены. Сейчас очень злоупотребляют выражениями «политическая» и «социальная» революция и на этом противоположении ориентируют разные точки зрения на происходящий в России переворот. Одни очень настойчиво утверждают, что в России произошла исключительно политическая революция, другие же требуют, чтобы политическая революция была продолжена в сторону социальной и как можно дальше на этом пути зашла. Для тех, которые стоят на второй точке зрения, революция только начинается, она еще впереди, пройден лишь первый подготовительный этап, за которым должны следовать дальнейшие этапы социально-классовой революционной борьбы. Социал-демократы не в силах выдержать последовательно точки зрения социальной революции и даже у г. Ленина она представлена не в совсем чистом виде. Самы же социал-демократы очень любят говорить, что русская революция – буржуазная, а не пролетарская и не социалистическая, и по поводу происходящего безответственно склоняют слова «буржуазия» и «буржуазность». И они же настаивают, что эту буржуазную революцию сделал рабочий класс и что он должен в ней господствовать. Если под выражением «социальная революция» нужно понимать социалистическую революцию, то остается непонятным, как можно по существу буржуазную революцию превратить в социалистическую какими-либо насильственными, диктаторскими мерами, борьбой за политическую власть рабочего класса, не соответствующую его социальному весу в данный исторический момент. Выражение «буржуазная революция» во всех отношениях очень плохое, по моральным своим мотивам даже безобразное выражение, и нужно просто признать, что буржуазная революция есть прогрессивный этап в историческом развитии народов. Сам Маркс признавал за буржуазией в высшей степени прогрессивную и революционную роль в истории. В сущности, буржуазная революция означает национальную, всенародную революцию, момент в исторической судьбе целого народа, в его освобождении и развитии. «Буржуазная» революция сейчас в России и есть не классовая, а сверхклассовая, всенародная революция, осуществляющая задачи общенациональные и общегосударственные. А если бы сейчас в России произошла «пролетарская» революция, то она была бы исключительно классовой, антинациональной и антигосударственной и привела бы к насильственной диктатуре, за которой по непреложному закону последовал бы цезаризм.

Когда происходит великий исторический переворот в жизни народа, то всегда есть в нем некоторая объективная линия, соответствующая общенациональным, общегосударственным историческим задачам, линия истинно творческая, в ко-

торой целый народ влечется инстинктом развития и тайным голосом своей судьбы. Истинная политика есть угадывание этой национальной линии. И все, что срывает в сторону, должно быть признано не творческим, разрушительным и реакционным в глубочайшем смысле этого слова, нереальным, призрачным. Многое, представляющееся очень революционным, реально бывает реакционным. Лассаль признавал реакционными крестьянские войны и крайние течения реформационной эпохи; прогрессивной же признавал лишь Лютеровскую реформацию, которая была на современном языке «буржуазной», но совершила огромное всемирно-историческое дело. С этой точки зрения он признал бы глубоко реакционными русские большевистские и максималистские социалистические течения и лишил бы их всякого исторического значения. В революционном максимализме всегда отсутствует творческий исторический инстинкт, и никогда гений не влечется в эту сторону. И всякий, обладающий творческим историческим инстинктом, постигающий судьбу народов, должен признать реакционным срывом все максималистские социалистические течения в нынешний час исторического существования России. Эта истина блестяще подтверждается тем, что при более глубоком взгляде на происходящее у нас не оказывается никакого социального движения и нет никакой социалистической идеи. Социализм есть во всяком случае идея регуляции социального целого; он все хочет привести в соответствие с социальным организмом, он противится хозяйственной анархии. Но то стихийное массовое движение, которое именуется у нас социальным, не вдохновляется сейчас идеей социального целого, идеей регулирующей и организующей всю нашу народную хозяйственную жизнь; в нем явно преобладают интересы личные и групповые в ущерб целому, в нем нет самоограничения, в нем слишком много корыстного и захватного. Этот антисоциальный характер движения есть наследие старого режима, старого рабства, старого отсутствия навыков к свободной общественности, свободного подчинения личности целому. Временное господство этих течений может кончиться лишь такими призраками, как царство Сиона Иоанна Лейденского или Парижская коммуна. Но принудительное водворение «Царства Божьего на земле» всегда пахнет кровью, всегда есть злобы и взаимное истребление. В таком максимализме есть глубокая религиозная и моральная ложь, не говоря уже о его социальной и исторической невозможности.

II

Политическая революция в России, столь страшно запоздалая, будет, конечно, иметь свою социальную сторону, как это бывает во всяком великом историческом перевороте. Перед Россией стоит задача очень серьезных, смелых социальных реформ, особенно в сфере аграрной. Политическая революция в России совсем не означает торжества старого буржуазного либерализма, который давно уже идейно разложился и не может никого вдохновить. И менее всего такой резко антисоциалистический тип либерализма подходит к русскому душевному складу. Россия вступает на путь политической свободы в поздний час истории, отяженная опытом западноевропейской истории, но легкая и свободная от собственного опыта и собственных связывающих традиций. Вступает она на этот путь в исключительной обстановке мировой войны, потрясающей основы современных обществ. И думается, что в России возможны и даже неизбежны смелые опыты

социализации, совершенно внеклассовой, государственной, не похожей ни на какой доктринальный социализм. Грядущий день истории сотворит непредвиденное и, вероятно, обманет ожидания и «буржуазные», и «социалистические». Развитие капитализма в России не может уже быть подобно классическому английскому его развитию. Борьба против темных и злых сторон капиталистического развития должна у нас начаться в первоначальных стадиях этого процесса, и организованные рабочие не могут не оказывать воздействия на социальную структуру его. Это ясно должен сознать русский промышленный класс и этим сознанием изготовить себе творческую роль в социальном перерождении России. Идея «социальной революции» по существу не творческая идея, и она предполагает неизбежность социального катаклизма именно потому, что никакого творческого социального процесса, устранившего зло, не происходило, а происходило лишь фатальное и неотвратимое нарастание социального зла. Классический марксизм и сложился под влиянием английского типа первоначального развития капитализма, который в чистом виде явил злые стороны этого процесса. Но всякое социальное творчество предотвращает социальную революцию.

У нас необходимо напомнить о той выяснившейся окончательно истине, научной и философской, что социальная революция в строгом смысле слова вообще невозможна, ее никогда не бывало и никогда не будет. В этой области слово «революция» можно употреблять только иносказательно, лишь в очень расширенном смысле. Так, например, мы говорим, что в XIX веке великие технические изобретения были великой революцией, перевернувшей всю человеческую жизнь. Но по существу нужно сказать, что возможна лишь социальная эволюция с более или менее ускоренным темпом, возможны лишь социальные реформы более или менее смелые и радикальные. Изменение социальной ткани общества есть всегда длительный молекулярный процесс; оно зависит, с одной стороны, от состояния производительных сил, от экономического творчества, промышленного и сельскохозяйственного, с другой – от незримых изменений в человеческой психике. Творческое отношение человека к природе и творческое отношение человека к человеку, то есть творчество экономическое и творчество моральное, изменяет социальную ткань. Заговорами, бунтами, восстаниями и диктатурами ничего нельзя изменить в жизни социальной, все это есть лишь накиль. Насильственные эксперименты, производимые явочным порядком, лишь отбрасывают назад в социальном развитии. И для Маркса социалистическая революция, *Zusammenbruch* капиталистического общества, предполагает длительный процесс развития капиталистической промышленности – к ней ведут не диктаторски-насильственные действия пролетариата, а объективная диалектика капиталистического развития, объективный экономический крах капиталистического хозяйства, концентрация, перепроизводство и кризисы. Марксизм не допускает такого социализма, при котором понизилась бы производительность труда. Социализм может тогда лишь заменить капитализм, когда он может оказаться более производительным. Но марксизм представляет собою крайне некритическое смешение точки зрения объективной эволюции, совершающейся неотвратимо и фатально, с точкой зрения субъективно-классовой, переоценивающей значение революционной активности пролетариата. И критика марксизма шла с двух сторон.

III

Марксистские *Zusammenbruchstheorie* и *Verelendungstheorie* оказались несостоятельными со всех точек зрения. Эти теории не только научно неверны и совершенно устарели, но с ними связана и ложная моральная настроенность. Развитие капитализма пошло другими, более сложными путями, смягчающими противоречия, ослабляющими зло, увеличивающими значение рабочего класса и его благосостояние внутри самого капиталистического общества. Поэтому социал-демократия подверглась роковому процессу «буржуазивания». Да и идеалы ее в сущности всегда были буржуазными. Духовная буржуазность социализма, его рабство у социальной материи, его отрицание ценностей, его неспособность подняться над ограниченной целью человеческого благополучия до целей более далеких и высоких, совершенно несомнена и обнаруживается все более и более. И менее всего можно искать противоядия против этой буржуазности в идеи социальной революции, которая порождена рабством духа. Марксистская *Zusammenbruchstheorie* была построена по гегелевской диалектической схеме. Но в этой теории было все-таки больше уважения к факту социальной эволюции, чем у г. Ленина и большей части русских социал-демократов, которые в сущности соединяют старое русское народничество со старым русским бунтарством.

Мировая война поставила в исключительные условия хозяйственную жизнь народов и вызывает неотвратимый процесс государственной регуляции и социализации. Но этот военный социализм, этот социализм бедности, внеклассовой и государственной, не дает никаких жизненных оснований для возрождения идеи социальной революции. На этом горьком пути вырабатываются навыки, которые будут иметь значение для дальнейшего социального процесса, и вряд ли возможен после войны возврат назад, к совершенно нерегулированной хозяйственной жизни капиталистических обществ. Но это будет лишь новый фазис социальной эволюции, который ни к какому «социализму» в доктринерском смысле не приведет. Социализм, как он конструируется в социалистических доктринах, всегда будет или преждевременным, или слишком запоздалым. Когда наступит время для социализма, то он окажется уже ненужным и устаревшим, так как будет уже новая жизнь, не похожая на ту, которая преподносилась в социалистических мечтах, скованных отрицательными связями с буржуазно-капиталистическим строем. В социалистической идее нет почти ничего творческого.

Многие из нас, русских критических марксистов второй половины 90-х годов, глубоко пережили крушение идеи социалистического *Zusammenbruch'a*, идеи социальной революции. Происходившая с тех пор идеяна работ не оставила камня на камне от старых социальных утопий; она не только научно, но и религиозно их преодолела. Проблема социальная разбилась и была поставлена в связь с проблемой космической. Для людей духовного опыта и усложненной мысли стало ясно, что невозможна совершенная организация человеческой общественности на поверхности земли, изолированной от мирового целого, от всего божественного миропорядка. Между человеческой общественностью и космической жизнью существует таинственный эндосмос и экзосмос. И столь быстрое восстановление у нас и быстрая победа детски незрелой, смутной идеи социальной революции есть лишь показатель отсталости и малокультурности широких масс, не только народных, но и интеллигентских, идеиного убожества тех кругов, которые со слишком большой гордостью именуют себя демократическими. Для

всякого, дающего себе отчет в словоупотреблении, должно быть ясно, что не только у нас сейчас не происходит социальной революции, но социальной революции вообще никогда не произойдет в пределах этого материального мира. Но легко могут принять за социальную революцию социальную дезорганизацию и социальный хаос, восстание частей против целого. Это антисоциальное движение может показаться его сторонникам и противникам революционным в социалистическом смысле этого слова. И следует всеми силами выяснить, что захватная борьба за власть отдельных личностей, групп и классов не имеет ничего общего с природой социального процесса и социальных задач. В один день может пасть власть и замениться другой, да и то после длительного подготовительного процесса. Но в социальной ткани в один день не может произойти ничего, кроме психических и экономических молекулярных процессов и формулировки социальных реформ, подготовленных в соответствии с этим молекулярным процессом. И классам, настроенным враждебно к социализму, следовало бы освободиться от унизительного страха перед социальной революцией. Страх этот несет отраву в нашу народную жизнь. Классы экономически господствующие должны будут пойти на самоограничение и жертвы во имя социального возрождения русского народа. Но упование на революционный социальный катаклизм, который мыслится как прыжок из царства необходимости в царство свободы, есть лишь смутное и бессознательное переживание эсхатологического предчувствия конца этого материального мира. До тех же таинственных времен и сроков может быть лишь социальная эволюция, лишь социальные реформы, регулирующие целое, но всегда оставляющие иррациональный остаток в социальной жизни, но никогда не преодолевающие до конца зла, коренящегося в жизни космической и в приливающих из ее недр темных энергиях. Перед Россией стоит задача социального устройства, а не социальной революции. Социальная же революция может быть у нас сейчас лишь социальным расстройством, лишь анархизацией народного хозяйства, ухудшающей материальное положение рабочих и крестьян. И перед теми бесконечно трудными и сложными задачами, перед которыми поставила Россию судьба, всякий розовый оптимизм был бы неуместен и даже безнравствен. Силы зла сильнее в этом мире, чем силы добра, и они могут являться под самыми соблазнительными обличьями и самыми возвышенными лозунгами. И русской демократии предстоит прежде всего пройти суровую школу самоограничения, самокритики и самодисциплины. Нас ждет не социальный рай, а тяжелые жизненные испытания. И нужен закал духа, чтобы эти испытания выдержать. Все социальные задачи – также и духовные задачи. Всякий народ призван нести последствия своей истории и духовно ответствен за свою историю. История же наша была исключительно тяжелая и трудная. И безумны те, которые, вместо того чтобы призывать к сознанию суровой ответственности, разжигают инстинкты своекорыстия и злобы и убаюкивают массы сладкими мечтами о невиданном социальном блаженстве, которое будто бы покажет миру наша несчастная, настрадавшаяся бедная родина.

«Русская свобода», № 4, 29 апреля 1917 г.

О буржуазности и социализме

I

Многие слова, ныне получившие широкое уличное употребление, носят ха-

рактер магических заклинаний; многие формулы, пущенные ныне в ход, носят сакральный характер и принимаются массой не только без критики, но и без понимания. К таким заклинательно-магическим словам принадлежит слово «буржуазия» и «буржуазность». Слово это ныне царит над массой, масса находится в рабстве у этого слова, смысл которого ей не может быть достаточно понятен. Слово падает в темную среду, не подготовленную к восприятию сложных мыслей, и оно не просветляет ее, но лишь увеличивает тьму. Заклинание пробуждает какие-то инстинкты, соответствует каким-то интересам, но никаких ясных понятий и идей с ним не связывается. Что понимают под «буржуазией» в нынешний день? Под «буржуазией» понимают не просто промышленный класс, не просто капиталистов, не «третье сословие». Ныне у нас категория «буржуазности» употребляется в несизмеримо более широком смысле. Вся Россия, все человечество делятся на два непримиримых мира, два царства: царство зла, тьмы, дьявола – буржуазное царство и царство божеское, добра, света – царство социалистическое. В этой психологии по-своему переживается старое, вековое религиозное деление и противоположение, но в искаженной форме. Социал-демократы, отравившие рабочую массу истребляющей ненавистью к «буржуазии» и «буржуазности», употребляют эти слова в социально-классовом, материалистическом смысле, но придают своей социально-классовой точке зрения почти религиозный отпечаток. Этот позитивно-материалистический, социально-классовый смысл слова не может быть выдержан до конца. И социалисты, материалисты принуждены признать, что «буржуазность» есть известная психическая настроенность, известная жизненная оценка, не столько состояние социальной материи, сколько отношение к ней человеческого духа. «Буржуазная» настроенность и «буржуазная» оценка могут быть и у человека, не принадлежащего к буржуазному классу, не имеющего никакой собственности, и, наоборот, у буржуа по своему классовому положению может и не быть такой «буржуазности». Совершенно бесспорно, что «буржуазность» есть состояние духа человеческого, а не социально-классовое положение человека, – она определяется отношением духа к материальной жизни, несвободой духа и бессилием духа преодолеть власть материи, а не самой материальной жизнью.

Великими борцами против буржуазного духа в XIX веке были Ницше и Ибсен, которые не были социалистами, не имели никакого отношения к пролетариату и сейчас, наверное, были бы сопричислены к царству «буржуазии», ибо сейчас уличная мудрость причисляет к «буржуа» всех людей духа. Быть может, самым ярким выразителем антибуржуазного духа в русской литературе был реакционер К. Леонтьев – все дело его жизни было борьбой против надвигающегося серого царства мещанства. Дух его был менее «буржуазен», чем дух всех «большевиков» и «меньшевиков», добивающихся серого благополучного земного рая. Во Франции есть замечательный писатель Леон Блуг, своеобразный католик, реакционер-революционер, не имеющий ничего общего с социализмом, и он восстал с небывалым радикализмом против самих первооснов буржуазности, против царящего в мире буржуазного духа, против буржуазной мудрости. Он, как христианин, вскрыл метафизические, духовные основы буржуазности и постиг мистерию буржуа как противоположность мистерии Голгофы. «Буржуа» видимое всегда предпочитает невидимому, этот мир – миру иному. Ницше сказал бы, что «буржуа» «ближнее» всегда любит больше, чем «далнее». Дух буржуазности

противоположен горному духу Заратустры. Ибсен сказал бы, что духу буржуазному противоположен дух того человека, который стоит на жизненном пути одиноко. Духу буржуазному противоположен глубоко и существенно не дух социалистический и пролетарский, а дух аристократический. Буржуазное царство есть царство количеств. Ему противостоит царство качеств. Дух буржуазный все строит на благе, благополучии и удовлетворении. Дух же полярно ему противоположный все должен строить на ценностях, должен тянуться к великой духовной дали. Поэтому буржуазный дух не любит и боится жертвы, дух же антибуржуазный в основе своей жертвенный, даже когда утверждает силу. Буржуазность не создана социализмом, она создана старым, дряхлеющим миром. Но социализм принимает наследие буржуазности, хочет приумножить и развить его и довести дух этот до универсального торжества. Социализм есть лишь пассивная рефлексия на буржуазный мир, целиком им определяющаяся и от него получающая все ценности. В нем нет творческой свободы.

II

Идеал окончательного устроения этого мира и окончательного довольства и благополучия в этом мире, убивающий жажду мира иного, и есть буржуазный идеал, и есть предел буржуазности, всеобъемлющее и справедливое распределение и распространение буржуазности по земле. Буржуазный дух – прежде всего антирелигиозный дух. Буржуазность есть антирелигиозное довольство этим миром, желание утвердить в нем вечное царство и прикрепить к этому царству дух человеческий, предпочтение мира – Богу. И сама идея Царства Божьего на земле, в этом трехмерном, материальном мире есть буржуазное искажение истинного религиозного упования. В старом еврейском хилиазме была буржуазность, которая перешла и в новую его социалистическую трансформацию. Буржуа чувствует себя исключительно гражданином этого замкнутого мира и этой поверхности земли, ему чуждо гражданство небесное, гражданство иных миров. Для буржуа небо всегда исключительно приспособлено для интересов земли, мир иной – для интересов мира сего. Такова и религиозность буржуа. И поистине антибуржуазен тот, кто ценность ставит выше блага, внутреннее выше внешнего, жертву выше удовлетворения, качество выше количества, дальнее выше ближнего, мир иной выше мира этого, личность выше безличной массы, кто Бога любит больше мира и самого себя. Это и есть столкновение двух полярных мировых начал. Буржуа есть истребитель вечности во имя временности, раб времени и материи. Лесть миру, лесть человекам и человеческой толпе и есть основное его свойство. Внутренняя свобода духа, победа над властью временности и материальности и есть преодоление «буржуазности». Христос осудил богатство как рабство духа, как прикованность к этому ограниченному миру. Смысл этого осуждения не социальный, а духовный, обращенный к внутреннему человеку, и он менее всего оправдывает зависть и ненависть к богатым. Эта зависть и ненависть есть буржуазное движение человеческого сердца и обнаруживает все то же рабство человеческого духа.

И нужно решительно сказать, что в социализме нет ничего противоположного духу буржуазности, нет никакого противоядия против окончательного воцарения буржуазности в мире. Рабочий может быть не менее типичным буржуа, чем промышленник или купец, его экономически угнетенное положение не га-

рантирует ему никаких духовных качеств, оно слишком часто лишает его благородства. Буржуазность не зависит от принадлежности к классу, хотя целые классы в средней массе своей могут быть захвачены духом буржуазности. В сущности всякая классовая психология – буржуазна, и буржуазность побеждается лишь тогда, когда человек возвышается над классовой психологией во имя высших ценностей, во имя правды. Рабочие и крестьяне в своей чисто классовой психологии, в своих интересах так же духовно буржуазны, как промышленники, купцы или аграрии. И это не меняется от того, что интересы первых более справедливы, чем интересы вторых. Для классового социализма, претендующего на творчество новой культуры, фатально то, что все высшие ценности, ценности духовной культуры, ценности «наук и искусств» созданы буржуазией в социально-классовом смысле. Рабочий класс не создал никаких ценностей, не обнаружил никаких зачатков творчества новой культуры, нового духовного типа человека. Он все заимствует у буржуазии, питается ею духовно и фатально «обуржуазивается» по мере роста своей культурности, своей сознательности, своего приобщения к благам цивилизации. За пятьдесят лет своего наиболее героического существования социалистический пролетариат – этот «класс-мессия» – ничего не сотворил. В сфере религиозной сознательный социалистический пролетариат усвоил себе старый буржуазный атеизм и старую буржуазную материалистическую философию, в сфере моральной – старую буржуазную утилитарную мораль, в сфере жизни художественной он унаследовал буржуазную отчужденность от красоты, буржуазную нелюбовь к символизму и буржуазную любовь к реализму. Уровень пролетарской культуры не подымается выше самого старого, банального и для более культурного слоя давно разложившегося «просветительства». Идейное убожество социалистического движения поразительно. Так ли вступало в дряхлеющий мир христианство с благой вестью о новой жизни? Где можно найти признаки оригинального пролетарского творчества? Не порыв творчества, а позыв интереса управляет классовой психологией. Сама ценность социализма создана буржуазией, буржуазным культурным слоем, к которому принадлежали и первые социалисты-утописты, и Маркс, и Лассаль, и Энгельс, и русские идеологи социал-демократы, и социалисты-революционеры. Для пролетариата социализм есть истолкование их интересов и непосредственных инстинктов. Лишь для идеологов из культурного буржуазного слоя он был идеей, ценностью. Как интересы и корыстные инстинкты какого-либо класса могут превращаться в идею и ценность для отдельных выходцев из других классов, это и есть самая интересная проблема психологии и идеологии социализма.

III

Социализм и есть идеал окончательной буржуазности, буржуазности справедливой и повсеместно распределенной, идеал вековечного закрепощения этого мира в буржуазном благоденствии. Безумно ждать от социализма победы над современной «буржуазной» культурой – он ее лишь доводит до конца. Буржуазность нужно искать не во внешних формах социализма, а во внутреннем его духе. Дух этот ставит количество выше качества, благо выше ценностей, безличную массу выше личности, удовлетворение выше жертвы, мир выше Бога, – дух этот закрепщен этому миру, он в необходимости, а не в свободе. Социализм не